

УДК 001.5

М.К. Гусейханов, К.Т. Цахаева, У.Г.-Г. Магомедова

Взаимоотношения науки и религии

С изменением времени возникли различные трактовки взаимоотношения религии и науки. Но вместе с тем в современную эпоху становится актуальной необходимость диалога между научным и религиозным мировоззрениями, устранение конфликта между ними, признание принципа толерантности.

Ключевые слова: *наука, религия, мировоззрение, естествознание, теология.*

With the change of time there were various treatments of mutual relation of religion and science. But at the same time in present period there is an urgent necessity of dialogue between scientific and religious outlooks, elimination of the conflict between them, recognition of a principle of tolerance.

Keywords: *a science, religion, outlook, natural sciences, theology.*

Время изменилось, и соответственно возникли различные трактовки взаимоотношения религии и науки. Но, хотим мы этого или нет, в современных условиях религия вынуждена не только «конструировать» выгодные ей трактовки, но и изменить свою позицию по отношению к науке в целом. Консервативные слои духовенства продолжают в категорической форме отрицать науку. Что касается остальных, то они, учитывая дух времени, объявляют о своем признании естественных наук, но взамен требуют, чтобы эти науки не делали из своих открытий атеистических выводов и, более того, чтобы они служили вере, доказывая бытие божие. Иоанн Павел II призвал создать под эгидой религии «новое», «целостное» видение мира, в которое были бы интегрированы и достижения науки.

Сегодня теологи по-разному оценивают причины и сущность конфликтов между религией и наукой. Одни считают, что противоборство религии и науки являлось следствием непонимания Священного Писания, в котором Бог, давая человеку наказ владычествовать над миром, косвенно предписывал ему заниматься наукой, ибо без ее помощи выполнение божественного наказа неосуществимо. Конечно, замечает английский физик и протестантский богослов А. Хайард, в этом нередко были повинны и сами служители церкви, часто отвергавшие научные теории на основании своих собственных интерпретаций библейских текстов. Сталкиваясь с научными теориями, которые противоречили их представлениям о мире, они зачастую предпочитали не анализировать их, а априори объявлять несоответствующими Писанию и на этом основании отвергали их. Именно так, в частности, действовал М. Лютер, выступив против коперниковской гелиоцентрической системы. Такие теологи, замечает А. Хайард, выступая против науки, думали, что они защищают веру и Библию. Но на самом деле они отстаивали свои собственные, часто неверные, ее интерпретации, нанося в итоге вред своему делу, ибо создавали у людей впечатление, что христианство противостоит научному методу познания.

Наиболее распространенная тенденция в истолковании конфликтов религии и науки – утверждение, что виновниками столкновений являются обе стороны. С точки зрения немецких католических теологов Э. Фера, О. Шпюльбека, австралийского протестантского теолога Н. Янга и др., причины конфликтов между религией и наукой заключаются в том, что обе стороны переходили границы своих областей исследования и позволяли себе вторгаться в сферы, где они не могли высказывать компетентных суждений. Обе они претендовали на слишком многое: теологи требовали от ученых, чтобы их данные согласовались с религиозными представлениями о мире; ученые же утверждали, что их достижения доказывают ложность представлений о существовании Бога.

Как отмечают теологи, наблюдаемые сегодня результаты такого противостояния весьма плачевны. Ведь теперь ученые, изучая природную реальность, как правило, не обращаются за помощью к религии. Однако практическое использование их достижений, колоссальное развитие прикладной науки не могут не пробуждать у них чувства ответственности за последствия внедрения достижений науки в практику. И здесь церкви могли бы быть «моральными посред-

никами», помогающими человеческому обществу в научной и технологической деятельности. Существенное значение в реализации этой программы теологи придают установлению новых отношений между религией и наукой.

Долгое время в теологии была популярна точка зрения о том, что конфликтов религии и науки можно избежать, если рассматривать их как независимые области человеческой деятельности и культуры. Акцент делался на фундаментальных различиях между ними. Распространение идей экзистенциализма, например, способствовало развитию теологической концепции о разграничении религии и науки на основе контраста «царства персональной самости (которое познается через субъективное включение) и царства имперсональных объектов (познающегося объективным анализом, типичным для ученых)».

Подобная точка зрения вызывает возражения у многих теологов, поскольку тот, кто не принимает божественного вторжения в природу, вряд ли согласится допускать его вмешательство и в сферы личности, общества, истории. Как отмечает известный американский физик и богослов И. Барбур, природа здесь будет играть лишь роль «имперсональной сцены для драмы персонального существования» и лишится своего религиозного значения. Кроме того, если можно построить адекватную картину природного мира без «ссылки» на Бога, без соотнесения ее с Богом, то очевидно, что такой Бог не может быть подлинным Богом-Творцом, а следовательно, в него нельзя верить и как в источник морали.

Некоторые теологи, обращаясь к идее разграничения религии и науки и не абсолютизируя ее, полагают, что научная интерпретация основана на принципе причинности, фундаментом же религиозной интерпретации является убеждение в наличии смысла, значения вещей. Конечно, и ученый может обнаруживать и изучать смыслы отдельных феноменов и процессов, но смысл целостности структуры мира и культуры для него недоступен, поэтому наука не может указать человеку ориентацию в жизни, определить цель его существования. Религия же позволяет достичь подлинной истины через изменение, реформацию самого человека, оказывая ему помощь в обретении смысла жизни. Исходя из этого, утверждает американский ученый и теолог Х. Ролстон, можно сказать, что «наука ищет знания, а религия – мудрости. Они не исключают друг друга, а частично совпадают»; «наука объясняет и информирует, а религия открывает и реформирует». Необходим диалог религии и науки, поскольку мы «переживаем жизнь не как разделенную на сепаратные части, а как целостную и взаимосвязанную». Союз религии, ибо, познавая сотворенный Богом мир, человек углубляет и свое понимание Бога. Научное познание способствует устранению неверных представлений о Боге, о его месте в мире. Не менее важен такой союз и для науки. Верующий ученый имеет перед неверующим ученым преимущество, так как он «лучше ориентирован»: если христианин занимается естествознанием и при этом остается восприимчивым к Откровению, он получает новое понимание всего того, чего смогло достигнуть естествознание.

Желая установления союза религии и науки, теологи особое внимание уделяют выявлению сходных черт этих областей культуры. И религия, и наука включают в себя определенные традиции, характеризуются наличием преемственности в своей деятельности и являются институционально организованными общественными учреждениями. Обе претендовали на исключительный доступ к знанию реальности и допускали «серьезные компромиссы и предательство лучших своих убеждений и принципов».

Некоторые христианские мыслители в поисках сходства заходят настолько далеко, что объявляют науку особого рода религией. По их мнению, наука, как и теология, занимается трансцендентными объектами, выходящими за пределы непосредственно наблюдаемого. Они указывают на то, что религия и наука пытаются постигать действительность при помощи понятийных конструкций, являющихся продуктом мышления самих исследователей. Так, физики сегодня оперируют понятием *нейтрино* – конструкцией, используемой для объяснения определенных физических процессов и содержащей ряд свойств, которые невозможно изобразить при помощи классической физики. То же самое, по мнению американских теологов Г. Грина, К. Петерса и др., можно сказать и о теологическом определении Божественной Троицы (Триединства), которое также является понятийной конструкцией, характеристики которой не могут быть описаны в терминах, относящихся к сотворенному миру. Непосредственная ненаблюдаемость того или иного феномена и невозможность его изображения вовсе не означают отрицания его существования. Поэтому, с точки зрения теологов, «неверие в Бога на основании его

невидимости не более резонно, чем неверие в элементарные частицы по той же причине».

По мнению ряда христианских теологов, в науке и религии используются руководящие теоретические парадигмы (концепции, определяющие стиль мышления). В науке это, например, ньютоновская и эйнштейновская, птолемеевская и коперниковская системы объяснения устройства и функционирования мира. Парадигмы в религии – признание того, что Бог есть Любовь, что Христос – Богочеловек и т. п. Так же, как и в науке, в религии есть парадигмы, которые сегодня полностью отброшены или серьезно оспариваются: шестидневное творение, вербальная непогрешимость Библии и др. Религиозные парадигмы, конечно, устойчивей, чем научные, но и они переживают процесс рождения и гибели.

Многие теологи сегодня настаивают на том, что полное адекватное постижение действительности возможно только при условии объединения религиозного и научного путей ее познания; религия и наука должны не противоречить друг другу, а развиваться в гармонии. Для обоснования этой возможности используется принцип дополнительности, выдвинутый Н. Бором в 1920-х годах для истолкования познавательной ситуации, возникшей в квантовой механике. Признается возможность построения единой целостной картины мира на основе синтеза науки, религии и философии. Для реализации этой задачи следует избегать крайностей – соблазна фиксировать прежде всего их сходство и забывать о различиях или, наоборот, абсолютизировать эти различия.

Русский философ Соловьев твердо верил, что лишь благодаря вере в Христа человечество способно возродиться. По мнению Соловьева, прогресс науки и философии привел к тому, что форма, в которой существует христианство, перестала соответствовать его содержанию. Следует восстановить истинное христианство: «Ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему форму... Но до этого практического осуществления христианства в жизни пока еще далеко. Теперь нужно еще сильно поработать над теоретической стороной, над богословским вероучением. Это мое настоящее дело».

Папа Иоанн Павел II подчеркивал, что единство религии и науки, к которому стремится христианство, вовсе не означает их идентичности. «Напротив, единство всегда предполагает несходство и интеграцию его элементов. Каждый из его членов должен стать не меньше, а больше себя в динамическом взаимодействии, ибо единство, в котором один из элементов редуцируется к другому, является деструктивным, ложным в его обещании гармонии и губительным для интеграции его компонентов. От нас требуется быть единым целым. От нас не требуется стать друг другом».

Цель всех этих усилий защитников религии одна – создать в общественном сознании представление о возможности преодоления многовекового конфликта науки и религии, установления их мировоззренческого сотрудничества.

Итак, защитники религии хотят затушевать принципиальную несовместимость религии, как превратно-фантастического отражения действительности, с наукой – объективно-истинным знанием о мире. Многовековой конфликт между этими двумя формами общественного сознания они пытаются представить не результатом полярной противоположности их мировоззренческих основ, а продуктом разного рода преходящих исторических, обстоятельств.

Другим «новшеством» является утверждение, что религия и наука имеют свои особые области исследования: наука – то, что доступно органам чувств человека, религия – область сверхъестественного, область души. В этом легко видеть попытку возрождения теории двойственной истины.

В свое время теория двойственной истины носила прогрессивный характер, поскольку она отражала факт завоевания наукой права на самостоятельное, независимое от церкви, развитие [1]. В наши дни она призвана оградить религию от разрушающего воздействия науки.

Несостоятельность теории двойственной истины сегодня очевидна. Сама жизнь доказала, что науке подвластно проникнуть в любые тайники Вселенной, что научное исследование не имеет границ.

Подлинное отношение религии к истине довольно наглядно проявляется в ее оценке нерешенных вопросов науки. Ссылаясь на факты, когда наука не в состоянии была еще решить ту или иную проблему, защитники религии пытаются доказать, что на науку нельзя полагаться целиком и полностью, что есть проблемы, решить которые наука бессильна, поскольку эти проблемы зачастую относятся к сфере, скорее, религии, чем науки. Для богословов термин

«границы естествознания» имеет совсем иное значение: они обозначают им предел проникновения вглубь сущности предметов и процессов природы. Этим теологи пытаются обосновать наличие особого, религиозного измерения действительности [2].

Усиление влияния науки и техники на все стороны современной жизни неизбежно приводит к усилению и распространению научного мировоззрения, разрушающего религиозную картину мира. Времена инквизиции и церковного диктата давно миновали, и церковь не может сегодня, как некогда, преследовать людей за их стремление к познанию и преобразованию окружающего мира. Люди в решении жизненно важных для них вопросов все чаще обращаются к науке. Церковные круги стоят перед признаваемой ими самими опасностью полного вытеснения религиозного авторитета научным. Поэтому церковь сегодня озабочена тем, чтобы как-то противостоять натиску научного мировоззрения, выработать свою позицию по отношению к научно-технической революции. Под давлением нынешней научно-технической революции церковь пытается различными способами доказать, что наука и религия совместимы, не враждебны друг другу.

В католицизме и отчасти в православии господствует точка зрения, согласно которой наука и религия, знание и вера имеют одного создателя – бога, – и поэтому между ними нет какого-либо действительного расхождения: бог не может отрицать себя самого, истина не может противоречить истине. Изучение природы, которым занимается наука, – это изучение божественного творения, и научные данные, следовательно, призваны подтверждать «истины откровения», т. е. религиозные догматы. Исходя из этого, богословы говорят о «гармонии» науки и религии, об их сотрудничестве. Более того, среди церковников появились «специалисты», которые обрабатывают и истолковывают современные научные открытия в нужном им духе и направлении. Так, гипотезы современной астрофизики о «первичном взрыве» и «расширяющейся Вселенной» богословски интерпретируются как подтверждение библейского догмата о сотворении мира богом.

В протестантской теологии распространена несколько иная концепция соотношения науки и религии, согласно которой христианская вера и научное знание существуют как бы в «параллельных плоскостях», нигде не пересекаясь и не затрагивая друг друга. Религия и наука не находятся ни в гармонии, ни в конфликте, у них совершенно различные сферы познания. Нельзя исходя из веры оценивать данные науки, но, с другой стороны, нельзя и исходя из научных данных подтверждать или опровергать положения веры. Надо, дескать, предоставить каждой из этих соперничающих друг с другом форм общественного сознания право на окончательное решение проблем в своей области.

В исламе стараются представить, что современные научные открытия в естествознании якобы были предсказаны в Коране. При этом прибегают к различным толкованиям и ухищрениям, подгоняя высказывания Корана под научные открытия [3].

Не менее характерны для религии попытки паразитировать и на других нерешенных вопросах науки. При этом «забывается» то, что наука не в состоянии сразу полностью отразить мир. Она идет от раскрытия менее сложных явлений действительности к раскрытию ее более сложных сторон, идет от познания сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Поэтому нет никакого основания для того, чтобы ставить под сомнение силу науки и пытаться спекулировать на нерешенных ею вопросах. То, что неясно для науки в настоящем, будет выяснено в будущем. Справедливость этого утверждения доказывается всем развитием науки.

В каждом открытии, в каждом законе, в каждом свойстве неисчерпаемой материи скрыты еще неизвестные нам на данном этапе познания особенности, черты, количественные и качественные характеристики явления. Обозревая с высот современной науки окружающий нас мир, мы видим все более четко сущность происходящих процессов, лучше, чем прежде, понимаем сложную диалектику его развития, глубину его содержания. Но перед нами по-прежнему остаются вопросы, на которые нужно искать ответы. Такова сама сущность научного познания.

Здесь особенно видна принципиальная грань между наукой и религией. Окружающий нас мир можно изучать, исследовать, все глубже познавая его явления, или же принимать на веру все те догмы, которые, возникли в эпоху младенчества человеческой мысли, и сейчас выдаются религией за «истины в последней инстанции».

Специфика современного взаимоотношения религии и естествознания состоит в том, что, не отвергая науки, активнейшим образом используются методологические трудности, возникающие перед нею в связи с революцией в естествознании, в целях защиты и подновления религии,

делаются попытки «совместить» науку и религию, найти в развитии современной науки «доказательства» необходимости дополнить знания верой. Характерной чертой борьбы религиозно-идеалистического мировоззрения против материализма в новую эпоху являются попытки не как прежде сыграть на устаревших, реакционных теориях в науке, то есть на слабости и ограниченности естествознания, а взять на вооружение новейшие открытия в науке.

На рубеже XX в. в естествознании, прежде всего в физике, были сделаны важнейшие открытия, которые стали поистине революцией в науке, потребовавшей коренной ломки существовавших прежде понятий и представлений. Они привели к коренному изменению прежних представлений о структуре материи, о взаимосвязи различных форм материи. Революция в естествознании остро обнаружила относительность конкретных научных знаний. Там, где ранее казались найденными абсолютные пределы знаний, открылись широчайшие горизонты для исследования новых форм природных закономерностей. При теоретическом объяснении этих открытий требовались прямо-таки «сумасшедшие», с точки зрения установившихся взглядов, идеи. Принципиально важной особенностью данного этапа познания мира были отказ от наглядности в объяснении новых закономерностей микромира и замена ее математическим формализмом.

Идеалистическая трактовка происшедшего процесса ломки коренных понятий естествознания сводилась к отрицанию объективного содержания в научных представлениях, к тому, чтобы представить материализм воззрением якобы устаревшим, преодоленным ходом развития науки. Преимущество в развитии науки, основывающаяся на существовании независимого от познания объекта научного исследования, отвергалась.

То, что среди ученых в обществе встречаются религиозные люди, – это дань господствующей идеологии, она противоречит научной деятельности этих ученых, развитию науки. Важную роль при этом играет культивирование мещанских предрассудков против материализма, когда в условиях острой идеологической борьбы средства массовой пропаганды внушают людям идеи об опасности материализма для человеческой цивилизации.

В этих условиях нередки случаи прямой травли атеистов. Религиозность порой связывается с политической благонадежностью. Кроме того, религиозность интеллигенции питают и социальные факторы: страх перед завтрашним днем, кажущееся бессилие предотвратить использование научных открытий не во благо, а против человека. Честного ученого потрясает и отталкивает использование науки в милитаристских целях ради чьих-то корыстных интересов, он ищет чего-то устойчивого в пронизанном страхом и неустойчивостью обществе и, будучи далеким от научного понимания путей общественного развития, подчас ищет выхода в религии. Конечно, ученый, проповедующий для спасения человечества соединение науки и религиозной веры, может быть искренне убежден, что он независим в своих симпатиях к религии и служит общественному прогрессу. Но на самом деле своей пропагандой религиозного мировоззрения он помогает закреплять то самое социальное зло, тот самый строй, который обращает достижения науки против людей, затемняет сознание. Трудности науки, ее нерешенные проблемы, относительность научных теорий абсолютизируются и расцениваются как свидетельство «слабости» науки, якобы дающей лишь условное знание, перед абсолютной, неизменной и непреходящей истиной религиозной веры. Рассуждающие так религиозные ученые слабость своих теоретических и методологических позиций пытаются возвести в ранг ограниченности науки как таковой.

Защитники религии иногда ссылаются, например, на «религиозность» великого физика Альберта Эйнштейна. При этом имеют в виду его слова о том, что он является сторонником «космической религии». Как отмечалось выше, для «спинозиста» Эйнштейна бог растворялся в природе, что же касается религиозного культа, то он отрицал за ним какую-либо значимость. «Я не могу найти выражения лучше, чем «религия», для обозначения веры в рациональную природу реальности, по крайней мере той ее части, которая доступна человеческому сознанию, – писал он. – Там, где отсутствует это чувство, наука вырождается в бесплодную эмпирию. Какого черта мне беспокоиться, что попы наживают капитал, играя на этом чувстве? Ведь беда от этого не слишком велика». Можно видеть определенную двойственность позиции Эйнштейна, не оставляющей, однако, сомнений не только в его скрытом антиклерикализме, но и в том, что его понимание существа религии весьма далеко от теологического.

Для теоретической позиции таких ученых, как Эйнштейн, религиозная терминология была лишь внешним привеском, данью влиянию идеалистической философии. Фидеисты же всячески старались и пытаются сегодня представить Эйнштейна ученым, сыгравшим важную роль в

осуществлении симбиоза науки и религии, открывшего путь к признанию относительности всего существующего, что и «свидетельствует» якобы об абсолютности бога.

Развитие современного естествознания полностью опровергает фидеистические измышления о наступлении новой фазы в его отношениях с религией, о заключении союза между ними, поскольку науки о живой и неживой природе «отказались» от имевшей место в XIX в. связи с материализмом. Фидеисты стремятся отождествить материализм с механистическим материализмом, поставить между ними знак равенства. Современное естествознание, его фундаментальные тенденции свидетельствуют о полнейшей беспочвенности ухищрений откровенных и завуалированных фидеистов. В XX столетии естественнонаучное знание пережило грандиозные изменения. Начавшаяся на рубеже XIX–XX вв. революция в физике получила сейчас свое продолжение в революционных преобразованиях в других областях естествознания, особенно молекулярной биологии и генетике.

Анализ взаимоотношения естествознания и религии показывает, что в различные исторические периоды оно не было безоблачным. Иногда борьба за мировоззренческое лидерство между ними принимала довольно жесткие, порой жестокие формы. В средние века политическая и с нею духовная власть принадлежала религии, и это накладывало отпечаток на развитие науки. Вот что писал в книге «Философия культуры и социальной истории нового времени» русский историк и философ Н.И. Кареев о взаимоотношении науки и религии в то время: «На человеческую мысль была наложена церковью самая строгая опека: занятие наукой и ее преподавание поручалось только церковникам, за которыми, однако, власти бдительно следили ... Церковь считала себя вправе силою приводить человека к истине и предавать его светской власти для казни «без пролития крови», если он упорствовал... Крайне аскетический взгляд на знание приводил даже к отрицанию какой бы то ни было науки как суетного знания, ведущего к гибели».

Наука в основном должна была служить иллюстрацией и доказательством теологических истин. Как писал Дж. Бернал в книге «Роль науки в жизни общества», «вплоть до XVIII века наука продолжала интересоваться главным образом небом». Но именно изучение неба и привело к последующему могуществу науки. Начиная с Коперника стало ясно, что наука не то, что теология и обыденное знание.

В эпоху Возрождения господство религии и церкви было подорвано как изнутри, так и снаружи. Философские и религиозные усилия по созданию общезначимых знания и веры, приносящих людям счастье, не оправдались, но потребность в систематизации и единстве знаний и счастья осталось, и теперь наука дала надежды на ее реализацию.

Произошел великий поворот в развитии культуры – наука поднялась на высшую ступень. Классическая наука сформировалась в XVI–XVIII вв., и тогда же ей удалось одержать победу над другими отраслями культуры и, прежде всего, над господствовавшей в то время религией. Эту доминирующую роль наука сохраняет до наших дней. Своей победой она обязана, прежде всего, естествознанию, которое лежит в фундаменте научного знания. Значение науки для общества неуклонно возрастает, и эта вера в науку поддерживается её огромными достижениями, обеспечивающими прогресс человеческого общества. Современное естествознание – «дорогое удовольствие». Например, строительство атомной, термоядерной установки, получение энергии синхротрона, коллайдера, необходимого для проведения исследований в области физики элементарных частиц, проведение космических исследований требуют миллиардных и триллионных вложений. В развитых странах на науку ежегодно затрачивается 2–3 % валового национального продукта. Но без этого невозможны ни достаточная обороноспособность страны, ни её производственное могущество, ни дальнейший прогресс всего человечества.

Современная наука развивается по экспоненте: объем научной деятельности и научной информации в XX в. удваивался каждые 10–15 лет. Растет число ученых и отраслей науки. В 1900 г. в мире было 100 тыс. ученых, сейчас – более 5 млн. Из всех ученых, когда-либо живших на планете, 90 % составляют наши современники. Причем процесс дифференциации научного знания привел к тому, что сейчас насчитывается более 15 тысяч научных дисциплин. Фундаментом этих научных исследований является естествознание.

Вместе с тем в современную эпоху становится актуальной необходимость диалога между научным и религиозным мировоззрениями, устранение конфликтности между ними, признание принципа толерантности.

Диалог различных видов мировоззрения не означает отказа каждой из сторон от своих

принципов, он нацелен на поиск тех вопросов, в решении которых имеет место совпадение или близость позиций. Этот принцип применим и для отношений религиозного и научного мировоззрений. Итак, какие же условия необходимы для того, чтобы совершился переход к диалогу мировоззрений?

В последней четверти прошлого века все более нарастало осознание того, что над всеми жителями Земли, независимо от мировоззренческих различий, нависла общая угроза гибели от возможной термоядерной войны, от экологической катастрофы, и отвести эти угрозы, найти выход возможно только совместными усилиями всех. Путь насильственного решения споров, в т. ч. мировоззренческих, в условиях современного развития становится недопустимым. Общей основой для диалога религиозного и научного мировоззрений могут служить принцип гуманизма, интересы человека. Признание того, что высшей ценностью для человека является человек, может и должно служить основой диалога сторонников любых мировоззрений.

Диалог не предполагает нивелирования той или иной продукции или отказа от различий. Наоборот, понимание этих различий, в т. ч. и принципиальных, их глубокое знание, неискаженное видение есть одно из условий корректного диалога. Например, онтологические вопросы в религиозном и научном мировоззрениях решаются по-разному. В определенных случаях это различие носит принципиальный характер. Но в реальной жизни более важными оказываются конкретные трактовки, практические следствия для жизненных ситуаций и конкретно-историческое применение этих принципов. И здесь наблюдается интересная тенденция: в аксиологическом аспекте, в частности применительно к улучшению условий жизни людей, позиции сближаются. Аналогично обстоит дело и с отношением к закономерностям, законам, действующим в мире. Если наука исходит из того, что закономерности внутренне присущи миру и познаваемы, а сторонники религиозного мировоззрения считают их божественными принципами, мыслями, вложенными в мир, то различие сводится к пониманию природы законов. Общим же оказывается признание их независимого от человека существования.

Таким образом, возможность и пределы диалога определяются тем, как религиозное и научное мировоззрения отражают один и тот же реально существующий мир, в какой степени ориентированны на интересы и благополучие человека, на утверждение гуманизма, справедливости, мира, на создание общества, достойного человека [4].

Литература

1. *Абдуллаев М.А.* Мыслители Дагестана. – Махачкала: Эпоха, 2007. – 768 с.
2. *Угринович Д.М.* Введение в религиоведение. – 2-е изд., доп. – М., 2005.
3. *Климович Л.И.* Книга о Коране, его происхождение и мифология. – М.: Политиздат, 1986. – 270 с.
4. *Гусейханов М.К.* Естествознание и религия. – Махачкала: Деловой мир, 2005. – 258 с.

Поступила в редакцию 21 октября 2011 года